



А. Н. Ужанков

СВЯТЫЕ СТРАСТОТЕРПЦЫ БОРИС И ГЛЕБ: К ИСТОРИИ КАНОНИЗАЦИИ И НАПИСАНИЯ ЖИТИЙ¹

Когда же сложилось «Объяснение и страсть и похвала святой мученику Бориса и Глеба» в дошедшем до нас полном виде, т. е. объединенном со «Сказанием о чудесах»?

Вернемся для этого к событиям конца XI— начала XII в. и проследим дальнейшую судьбу и рухнувшей церкви, и распространение культа святых Бориса и Глеба в Древней Руси, и рассмотрим отношение к нему русских князей.

Принявший киевский престол после Всеволода Святополк Изяславич, как и его отец, «не дрзну» на новое церковное строительство. В 1102 г. Владимир Мономах тайно позолотил серебряные саркофаги святых. Его двоюродный брат Олег Святославич взялся завершить начатое отцом строительство и восстановил в 1111 г. церковь, однако Святополк не позволил Черниговскому князю перенести мощи святых Бориса и Глеба из деревянной, т. е. Изяславовой церкви, в каменную Святополкову, «зане не самъ бжше еѣ създадь, църкве тоя»².

Новые торжества по перенесению мощей Бориса и Глеба в новую каменную церковь, гораздо более пышные, чем в 1072 г., состоялись 2 мая 1115 г., уже во время княжения в Киеве Владимира Всеволодовича Мономаха.

Даже сама история строительства каменной церкви в честь святых Бориса и Глеба отражает дифференцированный подход к культу первых русских святых, за которым скрываются разные интересы как Ярославичей, так и их сыновей. Очевидно, что Святославов позиция, выражавшаяся в первопочитании покровителя Черниговского княжества Глеба, не нашла, да и не могла найти сочувствия и поддержки у последующих киевских князей, а только у его сына Олега, князя Черниговского, закончившего отцово строительство. Но он не был ни киевским князем, ни столь влиятелен, как Мономах. Правда, в споре, где стоять саркофагам святых, разрешенном с помощью жребия, победил Олег, и гробницы были установлены в намеченном еще Святославом месте.

Вся вышеизложенная история со строительством каменной церкви описана во второй части «Сказания о Борисе и Глебе», имеющей в тексте свое название «Съказание о чудес(ѣхъ) святоу страстотърпцю Христову Романа и Давида», или, сокращенно, «Сказание о чудесах», продолжив-

¹ Начало статьи см.: «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». 2000. № 2.

² Абрамович Д. И. Житие святых Бориса и Глеба и службы им // ИОРЯС. Пг., 1916. С. 64.

шей первую часть после заметки «О Борисѣ как бѣ възъръмь», напоминающую по форме рекомендации к иконописному подлиннику.

В мои нынешние планы не входит выяснение истории сложения дошедшего до нас полного текста «Сказания о Борисе и Глебе»,³ но несколько предварительных замечаний придется сделать.

Для меня является очевидным, что «Сказание о гибели Бориса и Глеба» вместе с рассказом о перенесении их мощей в 1072 г., помещенном уже в начале XII в. в «Сказание о чудесах», были написаны в годы княжения в Киеве Святослава, т. е. между мартом 1073 г. и декабрем 1076 г. И свои рассуждения по этому поводу я изложил выше. Что же касается описаний трех чудес — о хромом, сухорукой жене и слепце из «Сказания о чудесах», то они были сделаны гораздо позднее, и даже не в 80-е годы, когда произошло чудо с сухорукой женой, и в иной, нежели у Нестора, редакции. К ним примыкает эпизод о заключенных в темницу, произошедший якобы при Святополке Изяславиче (а у Нестора — при Ярославе Мудром!); рассказ о золочении раки святых Владимиром Мономахом в 1102 г.; и повествование о новом перенесении мощей святых Бориса и Глеба 2 мая 1115 г.

Совершенно очевидно, что эта часть «Сказания о Борисе и Глебе» не могла быть написана ранее последней даты.

Помещение описания событий 20 мая 1072 г. в более позднее по созданию «Сказание о чудесах», иная, чем у Нестора, редакция трех чудес, иная, по сравнению с Нестором же, интерпретация эпизода с заключенными позволяют думать, что при написании «Сказания о чудесах» его автором была проделана большая работа по переделке существовавших на то время текстов и прежде всего Несторового описания чудес.

Остановлюсь только на одном описании чуда с узниками в двух изложениях — Несторовом и в «Сказании о чудесах».

В «Чтении» речь идет о неких согрешивших мужах, которых осудил на заточение в темницу старейшина города. Здесь заключенные раскаялись о «согрешении своем» и призвали на помощь св. Бориса и Глеба, которые в скором времени и явились к ним с прощением и освободили из темницы. Весть о чудесном освобождении мужей дошла до Ярослава, и он повелел на месте темницы построить церковь, сохранившуюся до Несторовых времен.

В «Сказании» это чудо дано совершенно в иной интерпретации. Во-первых, совершилось оно уже при княжившем в Киеве Святополке Изяславиче, т. е. между 1093 и 1113 годами. Во-вторых, Святополк выступает не как «свидетель» чуда (Нестором эта роль отводилась Ярославу Мудрому), а как непосредственный виновник случившегося. Именно он сажает в темницу оклеветанных мужей, творя «волю княжу»: позабыв предупреждение пророка Даниила о невинно осужденных, сам совершает греховный проступок. Святые Борис и Глеб освобождают невинных, и тень авторского осуждения ложится на Святополка.

Как видим, два автора дали две совершенно разные мотивировки чуда: один — о покаянии и прощении узников, другой — о своеволии князя и невинности заключенных. Аналогию описанному в «Сказании» можно найти в событиях 1101—1102 годов, когда Святополк дважды своевольно сажал в темницу в Киеве берестейского князя Ярослава Ярополчича. И, что любопытно, в первый раз, в 1101 г., оковы с него снимали как раз у гробниц св. Бориса и Глеба.⁴ Смерть князя Ярослава после вторичного заточения лежала на совести Святополка.

Совершенно очевидно, что описание своеволия Святополка в «Сказании» могло возникнуть только после его смерти, т. е. после 1113 г., уже в княжение Владимира Мономаха. Нужно, видимо,

³ Разбор разных точек зрения см.: Воронин Н. Н. «Анонимное» Сказание о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 11—56.

⁴ Там же. С. 30.

отметить, что и в целом «Сказание» отрицательно настроено к Святополку (как, впрочем, и вторая, промономахова редакция «Повести временных лет»), в то время как Нестор в своем сочинении его вовсе не упоминает, ибо закончил «Чтение» до вокняжения в Киеве Святополка.

Интересно также, что рассказ о сухорукой жене поведен в «Сказании» не с ее слов, как у Нестора, а со слов бывшего в то время в Вышгороде старшим священником Лазаря, очевидца чуда, имя которого упоминается в этом коротком рассказе четырежды, в то время как у Нестора — ни разу. Этим и можно объяснить «разночтения» в описаниях чуда, на которые часто ссылаются исследователи. Приводит имя Лазаря и летописная статья 1072 г., и «Сказание», но уже в другом месте, при воспроизведении торжеств 1115 г., и уже как епископа Переяславльского. Возможно, проявленный интерес к Лазарю свидетельствует о близости автора «Сказания о чудесах» к нему. Но вряд ли есть основания считать самого Лазаря, с ноября 1105 г. по сентябрь 1117 г. епископа в Переяславле, автором «Сказания о Борисе и Глебе», написанного в Киеве.⁵

Закономерно возникает вопрос: когда и где «Сказание о чудесах» было написано и объединено со «Сказанием о гибели Бориса и Глеба», т. е., когда и где возникло дошедшее до нас цельное «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба» — второе соответствующее канону житие святых?

Однозначно можно ответить, что *после* перенесения мощей святых Бориса и Глеба 2 мая 1115 г., о которых оно повествует. Где же была выполнена эта работа и почему в его основу легло «Сказание о гибели Бориса и Глеба», а не каноническое «Чтение» Нестора?

В «Сказании о чудесах» ярко выражена промономахова позиция автора. Несомненно, он был и соратником и сторонником Мономаха.⁶ Неоднократные упоминания в «Сказании о чудесах» бывшего в 1088—1105 гг. игуменом в Выдубицком монастыре Лазаря, а до этого старшего священника в церкви святых Бориса и Глеба, дает возможность предположить, что работа над «Сказанием о Борисе и Глебе» велась в том же Выдубицком монастыре человеком, хорошо знавшим Лазаря. Во всяком случае, в описании чуда с сухорукой женой он воспользовался именно его рассказом.

Из истории сложения «Повести временных лет» мы знаем, что вторая ее, также промономахова, редакция, датируемая 1116—1117 годами, была сделана в том же Выдубицком монастыре его игуменом Сильвестром, который, кстати сказать, унаследовал свое игуменство от Лазаря, а по смерти последнего и Переяславльскую епископию. Нет ничего удивительного, что промономаховы произведения выходили из стен Выдубицкого монастыря, основанного отцом Мономаха — Всеволодом. Это даже закономерно. Сильвестру, видимо, принадлежит и статья «Повести временных лет» 1072 г. о перенесении мощей Бориса и Глеба с упоминанием имени Лазаря в конце её⁷.

Когда Нестор писал свое «Чтение», Выдубицкий монастырь еще не был основан, поэтому полное, с чудесами, житие святых Бориса и Глеба было написано в Киевском Печерском монастыре, и полностью соответствовало религиозно-политическим требованиям княжившего в то время в Киеве Всеволода: отстаивало принцип старшинства в престолонаследовании и Борисоглебский культ.

С упрочением позиций Выдубицкого монастыря наметилось соперничество двух обителей. Прорусскую позицию, идущую от первого из русских митрополита, а до этого — вышгородского священника Илариона, отстаивал Печерский монастырь, старейший из известных на Руси. Позицию грекофилов Всеволодовичей («Мономаховичей») выражал княжий Выдубицкий монастырь. Вот почему переработка печерской редакции «Повести временных лет» Нестора была произведена по зака-

⁵ Там же. С. 46—56.

⁶ Там же. С. 50.

⁷ Определенная близость между «Сказанием» и «Повестью временных лет» второй редакции наблюдается, например, в одинаковом отношении к Святополку Изяславичу. Но необходимо специальное сопоставительное исследование этих двух памятников. Возможно, в его результате можно будет сказать об одном их авторе — игумене Сильвестре.



зу Владимира Мономаха именно в Выдубичах, причем, обращаю внимание, почти в то же самое время, когда было написано и «Сказание о чудесах», точнее, полное «Сказание о Борисе и Глебе» — после 1115 г., но до 1117 г. — смерти Лазаря, открытия церкви святых на Альте — тех событий, о которых оно не знает⁸.

Почему же дорабатывалось «Сказание о гибели Бориса и Глеба», а не переделывалось «Чтение»?

На мой взгляд, это можно объяснить несколькими причинами. Вышедшее из стен Печерского монастыря «Чтение о Борисе и Глебе» являлось строгим каноническим житием святых, написанном для церковной службы на 24 июля — общерусского праздника, известного и в других странах, — имело уже почти тридцатилетнюю практику употребления, т.е. не требовало переделок. К тому же в нем были и своя концепция событий, отличная от более поздних интерпретаций, летописной статьи 1015 г. и «Сказания о Борисе и Глебе», и своя идеология, противная выдубичанам. Последнее, видимо, и сказалось на окончательном решении. Выдубицкий автор остановил свой выбор на «бесхозном» «Сказании о гибели Бориса и Глеба», может быть, и по подсказке Владимира Мономаха, одно время княжившего в Чернигове и, несомненно, хорошо знавшего его. «Сказание» нетрудно было приспособить для новых нужд — дополнить рассказами о чудесах, творимых святыми, и сделать редактуру и некоторые переделки, направленные на соединение двух произведений в одно целое.

За сорок с лишним лет после его написания стерлась важная в свое время для Святослава Ярославича проглубовская направленность произведения. Установился прочно Борисоглебский культ, и для автора «Сказания о Борисе и Глебе» уже не столь было актуально, рукой какого святого благословлялись князья, главное, что благословлялись. В это время появляется статья «О Борисе, как бе възъръмъ» — об облике покровителя Всеволодовичей, а во второй, видимо, специально дописанной части произведения, — «Сказания о чудесах», отчетливо выразилась промономахова позиция писателя. Поэтому и в целом «Сказание о Борисе и Глебе» получилось промономаховым и вполне удовлетворило княжившего в Киеве Владимира Мономаха, уделявшего особое внимание святым. В 1102 г. он тайно (!) позолотил раки св. Бориса и Глеба, а к перенесению мощей в 1115 г. устроил в церкви специально для саркофагов святых «терем серебрян».

Недоставало только новой, специально к этим торжествам написанной службы и религиозно-литературного сочинения, которое бы соответствовало запросам нового киевского князя. Таким сочинением стало «Сказание о Борисе и Глебе», созданное после торжеств 2 мая 1115 г. Эти торжества, по всей вероятности, были призваны затмить своей пышностью предыдущие. Во всяком случае, Владимир Мономах стремился к этому. А задача новосоставленного жития святых, уже соответствующего церковному канону, — вытеснить и на службе 24 июля «Чтение о Борисе и Глебе», что в значительной степени ему удалось. Сам же праздник, с новой службой и новым житием, со временем становится тоже общерусским.

До последнего времени служба, точнее, службы святым Борису и Глебу не были предметом специального рассмотрения, хотя, несомненно, установление времени их возникновения могло существенно помочь как в восстановлении всего процесса канонизации святых страстотерпцев, так и в датировке двух их житий, каждое из которых, как оказалось, связано с определенной службой. Исследования служб, проведенные Н. С. Серegiной и Е. В. Антоновой, появились уже после публикации мной статьи (исследовательницы с ней остались незнакомы) с предварительными выводами о време-

⁸ Попутно замечу, что еще А. А. Шахматов указал на связь «Сказания о Борисе и Глебе» с летописанием того времени, а Н. Н. Ильин доказал, что летописная статья 1015 г. является переделкой «Сказания о Борисе и Глебе». См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С.29—97; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. № 25. М., 1948. С. 321; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957. С. 209.

ни канонизации св. Бориса и Глеба и написания их житий⁹ и не только не противоречат им, но и существенно дополняют.

Разыскания Н. С. Серegiной показали, что «все сохранившиеся до наших дней стихирари домонгольского периода содержат стихиры Борису и Глебу лишь в разделе на 24 июля. *На 2 мая в древнейших списках стихирарей служба не фиксируется* (выделено мной. — А. У.). Известен лишь кондак Борису и Глебу на 2 мая — «мученика Христова». Самым ранним указанием службы на 2 мая являются несколько стихир в ненотированной рукописи конца XIV в РГБ. Ф. 304. № 22, причем, что для нас очень важно, в этом разделе помещаются *не новые* стихиры к празднику перенесения мощей, а «выписаны уже известные ранее стихиры из службы на 24 июля». Та же ситуация повторяется и в другом стихираре XIV в., (РГБ. Ф. 113. № 3), «содержащем в разделе на 2 мая стихиреу «Придите, восхвалим», также известную на 24 июля»¹⁰.

Специально приуроченные к празднику перенесения мощей святых 2 мая стихиры появляются в служебной минее только в XV в. Но, что опять же интересно, «все стихиры на 24 июля могли выборочно входить в службу 2 мая, и только пять стихир принадлежат исключительно службе 2 мая и не используются 24 июля» (С. 93). То есть мы получаем ещё одно существенное подтверждение и первенства дня памяти 24 июля, и его приоритета перед другими борисоглебскими праздниками (2 и 20 мая, 5 сентября).

Корпус песнопений на 24 июля содержит 24 стихиры, два канона, три кондака, икос, седален и светилен (С. 77). По замечанию Н. С. Серegiной, «он превышает ровно в три раза гимнографический стереотип одной службы святому по церковному Студийскому Уставу домонгольской Руси (в части стихир). Стихиры Борису и Глебу подразделяются по жанрам в соответствии со структурой службы: шесть групп (по три) «подобных» стихир и шесть самогласных. Среди них три группы стихир, исполнявшихся в заключительной части службы после псалма «Хвалите Господа» (С. 77—78).

Следует обратить внимание на вывод, сделанный на этом основании исследовательницей: «Три группы стихир, исполняющихся на хвалитех, свидетельствуют, что перед нами в списках XII в. не одна, а три службы Борису и Глебу. А из этого следует, что вопрос о датировке культа и произведений Борису и Глебу состоит из трех частей — по числу служб, созданных в разное время» (С. 78).

Основываясь на свидетельствах «Сказания» и «Чтения» об учреждении в 1072 и 1115 г. двух праздников — перенесения мощей св. Бориса и Глеба, исследовательница относит к ним и составление двух из трех служб, тогда третью, самую раннюю, она относит ко времени Ярослава Мудрого, связывая ее появление с самым первым перенесением мощей святых в специально выстроенную кн. Ярославом деревянную церковь их имени и с первым упоминанием праздника 24 июля (С. 78—80).

Эти датировки служб можно легко проверить, опираясь на имеющиеся в двух житиях описания всех трех торжеств.

Начнем с самого первого перенесения мощей св. Бориса и Глеба 24 июля при Ярославе Мудром.

«Пришедшимъ же имъ въ градъ, и сътвори архиепископъ обычное храму обновление, рекше священне. Рацѣ же святою постави въ церкѣви на деснѣи странѣ, мѣсяца июля въ 24 день, въ нь же блаженный Борисъ убиень бысть. Устависта же христоролюбивый Ярославъ и преподобный митрополить Иоанъ въ день на всяко лѣто праздникъ творити има, яко же и нынѣ свершается. Таче

⁹ Ужанков А. Н. К вопросу о времени написания «Сказания» и «Чтения» о Борисе и Глебе // Герменевтика древнерусской литературы XI—XIV вв. Сб. 5. М., 1992. С. 370—412.

¹⁰ Серегина Н. С. Песнопения русским святым. СПб., 1994. С. 93. (Далее цитируемые страницы указаны в тексте).



потомъ, яко сконча святу ю литургию, пояты и благоверный князь Ярославъ на обѣдъ со всеми обретшимися ту»¹¹.

«Сказание» немного лаконичнее, но свидетельствует о том же: «И шьдъше съ хръсты Иоанъ митрополить, и князь Ярославъ, и вьсе поповьство, и людие, и пренесоша святая, и църковь святиша, и уставиша праздьникъ праздьновати мѣсяца июлиа въ 24: вьнъже днь убиень преблаженный Борисъ, въ ть же днь и иркы священна, и пренесена быста святая»¹².

Для нас в этом сообщении важно, что освящение церкви и перенесение мощей святых Бориса и Глеба произошло в один день — 24 июля. Между тем по церковному Уставу «нельзя освящать храмы в самый день, когда празднуется память того святого или того священного события, во имя и в честь которых построена освящаемая церковь, чтобы не смешивать двух церковных торжеств, т. е. службы, особо установленной на освящение храма, с службою храмовою в честь праздника»¹³.

При установлении праздника святых в день освящения выстроенной в их честь церкви, после освящения храма состоялась обычная литургия. Именно такой праздник при Ярославе Мудром и описали «Чтение» и «Сказание», а это значит, что в этот день не было храмовой службы в честь праздника святым (но к празднику на следующий год она уже могла появиться).

В отличие от первого, торжества 1072 и 1115 г. были уже двухдневными. 19 мая 1072 г. была освящена церковь во имя святых, а 20 мая отмечался сам праздник с храмовой службой: «Архи-епископъ же събра вьсь причеть църковный, и тако изидоша съ кресты въ преже реченый градъ (Вышгород — А.У.), идеже бѣ тѣло святою. Иже и пришедъша, створиша обычное обновление църкви новѣи, и святу ю же литургию въ ней скончаша. И въ другой же день събра митрополить вся епископы и вся църковники, идеже бѣста рацѣ святою, хотя пренесение сътвори... Въ лито 6580 (1072), мѣсяца мая в 20. Створиша же праздникъ великъ въ ть день...»¹⁴.

Аналогичным было последование — освящение новой церкви в канун праздника перенесения мощей св. Бориса и Глеба при Владимире Мономахе в мае 1115 г.: «И во 1-й днь мѣсяца майя святиша църковь, въ субботу 2 неделе по Пасце. На утрия же, въ святу ю неделю...», состоялось перенесение мощей святых¹⁵.

Таким образом, сохранившиеся описания двухдневных торжеств позволяют с определенной уверенностью полагать, что и 20 мая 1072 г., и 2 мая 1115 г. были отслужены специальные службы в честь праздника перенесения мощей св. Бориса и Глеба. Получается, должны были бы быть две службы, как и предполагала Н. С. Серегина, на перенесение мощей 20 и 2 мая.

Между тем служебные минеи XI—XII в. содержат, как уже отмечалось, только службу на 24 июля, обозначенную как «творение Бана, митрополита Русьскаго, святыма мученикома Бориса и Глеба»¹⁶, в которой выражен общерусский характер праздника. («Светозарьна и свята и благообразна мученику Бориса и Глеба вьспраздная память, вьсю землю просвещающа...»; «сию бо ради святою вься земля русьская просветися»¹⁷).

Служба же на 2 мая со специально написанными стихирами сохранилась лишь в служебной минее XV в.: «Въ ть же день пренесеше мощемъ святою мученику Бориса и Глеба». В ней четко прослеживается связь с конкретными торжествами по перенесению мощей святых в новую церковь в

¹¹ Абрамович Д. И. Жития святых Бориса и Глеба и службы им. // ИОРЯС. Пг., 1916. С. 19.

¹² Там же. С. 55.

¹³ Нечаев П. Практическое руководство для священнослужителей. 7-е изд. СПб., 1900. С. 324.

¹⁴ Абрамович Д. И. Жития святых Бориса и Глеба и службы им. С. 21—22.

¹⁵ Там же. С. 65.

¹⁶ Там же. С. 136.

¹⁷ Там же. С. 138, 145.

конкретном месте — Вышгороде: «Радуйся и веселися, Вышеграде, красуйся и веселися, святая церкы, въ нюже пренесена быста исцѣлению святая источника...»¹⁸.

Следовательно, сохранившиеся две службы совершенно четко отражают два разных по масштабам праздника: общерусский — 24 июля, и местный — 2 мая (который, впрочем, позднее тоже станет общерусским).

Вариативность службы на 2 мая, отмеченная Н. С. Серегиной (С. 86), может свидетельствовать о том, что две одновременные службы, но посвященные сходному торжеству — перенесению мощей святых в новую церковь, причем оба раза в мае месяце, слились в одну (впрочем, они могли отличаться только тремя стихирами «на хвалитех»). То есть два праздника стали со временем осознаваться как один. Об этом косвенно говорит встречающаяся в рукописях житий передатировка событий 1072 года 2 мая вместо 20, т. е. сказалось влияние более торжественного праздника 1115 года, который позднее и стал общерусским, а 20 число мая со временем вытеснилось 2 мая. Во всяком случае, служебные минеи и месяцесловы XII—XIII в. и Пролог XIII в. день памяти 20 мая (перенесение мощей) не упоминают¹⁹.

Что же касается главной службы — на 24 июля, то, думается, наиболее близок к истине был Д. И. Абрамович, отметивший её постепенное сложение в XI веке: «Церковная служба св. Борису и Глебу составлена в первой половине XI века, Иоанном I, митрополитом Киевским, принимавшим участие в установлении празднования памяти святых мучеников. (Важно то, что Д. И. Абрамович не связывает её появление непосредственно с торжествами — А. У.)...

В службе митрополита Иоанна, представляющей собой вседневную вечерню и утреню, мы находим: седален, кондак, икос, три стихирны на «Господи воззвах», три стихирны на «стиховне» (две на вечерне и одну на утрене), три стихирны на «Хвалите» и канон (на утрене).

С распространением памяти св. Бориса и Глеба потребовалась более торжественная церковная служба, и «творение» митрополита Иоанна дополняется новыми песнопениями и молитвословиями. (Как мне кажется, эта работа была проделана уже Иоанном II или под его руководством при подготовке общерусской канонизации святых в 1088 г. — А. У.). Уже в Стихираре XII в., списанном при Новгородском архиепископе Аркадии (1156—63), читается целый ряд таких стихир и тропарей канона, которых совсем нет в первоначальной редакции службы митрополита Иоанна (имеется в виду Иоанна I — А. У.)...

На первых порах, судя по древнейшим спискам службы митрополита Иоанна, день памяти св. Бориса и Глеба был одним из «малых» праздников («святые со славословиемъ»), потом отнесен был к «средним» праздникам, обозначаемым в богослужебных книгах знаком креста («святые с полиеле-емъ»), и, наконец, к тем «средним», которые имеют знак креста в полукружии²⁰.

Думается, необходимая служба и была составлена в 1088 г. митрополитом Иоанном II (или под его руководством) к официальной канонизации князей-мучеников как общерусских (и общеправославных) святых, промыслительно совпавшей со 100-летним юбилеем крещения Руси²¹. Именно к этой дате, надо полагать, приурочивалось и окончание строительства грандиозного каменного пятиглавого храма-мавзолея в честь князей в Вышгороде Всеволодом Ярославичем. Но собор рухнул, и новые торжества не состоялись, точнее, состоялись, но уже только 1—2 мая 1115 года.

¹⁸ Там же. С. 168.

¹⁹ Архиепископ Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Т. II. Ч. 1. М., 1997. С. 128. В этом сводном месяце слове 2 мая указано как общий день памяти о перенесении мощей кн. Бориса и Глеба в 1072 и 1115 г. 20 мая упоминается в XV и XVII в. (С. 151).

²⁰ Абрамович Д. И. Жития святых Бориса и Глеба и службы им. С. XX—XXI.

²¹О том, что на Руси отмечали юбилей см.: Ужанков А. Н. Из лекций по истории русской литературы XI—первой трети XVIII вв. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. М., 1999. С. 19—23.



Поскольку же дань памяти святых 24 июля был главным в борисоглебском цикле, то и стихиры его службы могли использоваться и использовались для составления других служб, в частности, на перенесение мощей 20 и 2 мая, о чем писала Н. С. Серегина (см. выше).

Как уже отмечалось, ко времени официальной канонизации святого (или святых) должно быть написано его (их) житие, которое призвано было дополнить службу им.

До нас дошли два жития — «Чтение» Нестора и анонимное «Сказание», и две службы — на 24 июля и 2 мая. Как жития соотносятся со службами?

Ответу на этот вопрос посвящена одна из глав кандидатской диссертации Е. В. Антоновой «Службы св. Борису и Глебу в книжности Древней Руси» (М., 1997)²².

Проведя сравнительный анализ службы 2 мая и «Сказания о Борисе и Глебе», Е. В. Антонова пришла к очень важным выводам: оба творения были созданы в паре и. скорее всего, одним автором (С. 93—99). Рассмотрим подробнее ее аргументы.

«Как служба, так и «Сказание» уделяют внимание гибели святых, не затрагивая биографических подробностей (внимание к биографии характерно, например, для «Чтения» Нестора) ... Оба произведения позволяют себе описывать настроение святых в предчувствии гибели — их печаль и слезы ... Следующий пример из текста «Сказания» особенно важен: **«плакашеся съкрушеньгьмъ сьрдьцьмъ, а душею радостною жалостно гласъ испущааше: «слъзь моихъ на презьри, Владыко, ... тако да с Твоими рабы приму часть и жребии съ вьсеми святыми Твоими»»**.

Описание, представленное светильном «Горькими слезами», практически тождественно: «Борис горькими слезами умывая лице свое // и плачем жалостным плакашеся // Иисусу Христу глаголя, // **слезь моих не презри, Владыко, // но тем мя причти, // иже Тебе ради пострадаша, Господи»**». (С. 93—94).

«Двойственность настроения святого — «плакашеся сьрдьцьмъ, а душею радостною» («Сказание») также передается и в песнопениях службы 2 мая: «копиемъ прободаемъ веселяшеся» («Христове уведевше»).

В службе 2 мая, равно как и в «Сказании», находит отражение просьба святого Глеба о милости, даровании жизни: «Не пожьнете мене оть жития не съзрела, не пожьнете класа не уже съзьревьша, нъ млеко безълюбия носяща, не порежете лозы, не до коньца възраетьша, а плодъ имуща». В составе службы этот, фольклорный по своим истокам плач произносится от лица обоих братьев: «брате Святополче не погуби наю, еше бо вельми млади есмы, не порежи лозы неплодныя, не сожни класы несозрелья, не пролей крови наповинныя, не сотвори плача матери нашеа ...» («Зря корабля») (С. 94).

«Известно, что песнопения службы широко употребляют по отношению к святым обращение «брата прекрасная». Этот характерный признак использовался при определении принадлежности текстов к первоначальному составу службы 2 мая. Исследование текста «Сказания» показывает, что его автор неоднократно упоминает физическую красоту какого-либо из описываемых персонажей: **«красоты дея лица ея»**, «ни понесохъ красоты мужьства тела твоего», «помышляаше о красоте и доброте телесе своего», «идеже красота тела твоего увядает»» (С. 94).

«Как «Сказание», так и служба уделяют внимание описанию военного заступничества святых по отношению к Русской земле и русским князьям, причем военные победы и победы в невидимой брани, над бесовскими силами упоминаются в одном ряду: «ваю пособиемъ и защищениемъ князи наши противу въетающая дьржавно побѣждаютъ и ваю помощию хвалиться, вы бо тѣмъ и намъ оружие ... меча обоюду остра, има же дьрзость поганьскую низълагаемъ и дияволя шатания въ земли попираемъ» («Сказание»); **«вражий ищезаютъ полку, и поганьская телеса постилана**

²² Далее при цитировании работы страницы указываются в тексте.

бывают **под нозе** князь наших' (песнь 7, тропарь 1), «вы бо съкрушаеа **бесовьскыя козни и поганьскыя полкы** ..., вернии князи наши **державно побежають**», «и **бесь множество** исчезають, прогоними бывают **неверныхъ полци** пособием ваю» (группа стихир «Радуйся»).

В обоих произведениях вспоминается житие св. Дмитрия Солунского: «... вѣторый Селунь явился в Русьске земли, имый в себе врачество безмъздное» («Сказание») — «Вѣторый Селунь, радуется в стране Русьстеи Вышеград славный, имея в себе благодать...» (песнь 5, тропарь 3) (С. 96).

Е. В. Антонова не ограничилась анализом совпадений главных мотивов и образов службы на 2 мая и «Сказания», она приводит и целый ряд внутритекстовых параллелей:

1) «яко не въсхоте противитися любьве ради Христовы, а колики вой държа в руку своею», «а имый въ руку вся воя отьца моего и вся любимыя отьцемъ» («Сказание») <=> «яко отъчею любьвию даръ въсприимыша, а колики воя земля русьскыя въ руку държаща, не противящася брату» (стихира «Придете вси вернии», группа d 2).

2) «и **без милости** прободено бысть чъстное ... тело святааго ... **наснууша копии**», «како **без милости** прочее сьмрты предася» («Сказание») <=> «копии насунуша немилостивници» («Премудростию Господнею»), «копии насунуша» («Аще и убиена»).

3) «Убиену же Глебови и повържену на пуге месте межю дъвема колодама» («Сказание») <=> «бысть и межю дъвема колодами съкровень» («Придете новокрещении»).

<p>4) «Блажен по истине и высок паче всех град Русьскыих и вышый град имый в собе скровище, ему же не тьчн ни въсь мир».</p>	<p>«Светел воистину и пречестен превыше бо всех град превъзнесея, имый в собе честную церковь, в нюже принесена быста бисера многоценная» (песнь 3 тропарь 2).</p>
--	--

«Здесь, — замечает Е. В. Антонова, — отличие тропаря от текста «Сказания», при точном повторе синтаксической конструкции, совершенно незначительно. Так как служба писалась на перенесение мощей святых, она более конкретна» (С. 97).

Далее исследовательница приводит примеры общего использования цитат.

1) «И служба, и «Сказание» одинаково обыгрывают название города, в котором покоятся святые. Вышгород — город высший, главенствующий, превосходящий прочие города, и Вышгород — стоящий на возвышенном месте. Для актуализации второго значения и в том, и в другом случае используется цитата Евангелия (Мф. 5; 14—15): «Вы есте свет мира; не может град укрытиса верху горы стоя. Ниже вжигают свѣтильника, и поставляют его под спудом, но на свѣцнице, и светит всем, иже в храмине»»:

<p>«Нъ яко же рече Господь: «не может град укрытиса врѣху горы стоя, ниже свѣць въжъгыше спудъм покрывають, нъ на свѣтль поставляют, да свѣтит тьмьныя» — тако и си святая постави свѣтити в мире премногими чудесы /.../, ижеже множество стражующиих съпасени бывают, слепии презирають, хромии быстрее сьрны рицут, слущии простьрение приемлют».</p>	<p>«Слово твое исполнися, чельвколюбче, еже рече учеником си: «Град не укрыетса, верху горы стоя, и сей свѣше град просвѣщает всю землю Русьскую явлением святою ти...» (песнь 6, тропарь 3). Всяко место освятиса, иже в недузех ицелеваються посещанием ваю, врача преславная: слепии презирають, хромии ходят, слущии простираютьса» (там же, тропарь 1).</p>
---	--

2) И то, и другое произведение включает в свой состав фрагмент Евангелия от Иоанна (14; 12): «Аминь, аминь, глаголю вам: веруяй в Мя, дела, яже аз творю, и той сотворит, и болша сих сотворит»:



<p>«О сих бо и сам Господь рече «веруяи в Мя, деляже аз творю, и ть сътворит и больша тех»».</p>	<p>«Якоже рече Христос веруяи в Мя, дела яже аз творю, то сътворит и болша сих» » (песнь 1, тропарь 2).</p>
--	---

3) Глеб обращается к Богу с такими словами: "Вемь Тя, рекъша к своим апостолом, яко "за имя мое, мене ради възложат на вы руки, и предани будете родъмь и другы, и брат брата предаст на смерть, и умьртвятъ вы имене моего ради", и паки: "въ тьрпении вашемь сътяжите душа ваша" » (Мф. 10; 21-22). В четвертой песне канона 2-й тропарь имеет следующий вид: "Христовы уведевше заповеди божественные и Тому въследующа, "въстанеть бо, — рече, — брат на брата", сего ради приаста нужную смерть, яко агньца закалаема".

4) Борису и Глебу адресуются слова Христа, посылающего апостолов на проповедь — "туне приясте, туне дадите" (Мф. 10; 15). "От всех бо стран ту приодяще туне почьрплють ицеление, яко же и в святых евангелиих Господь рече святым апостолом, яко туне приясте, туне и дадите" ("Сказание") ⇔ "туне прияста, туне же и дадита болящимъ ицеление" ("Брата прѣвкрасная") (С. 97-98).

Пришлось умышленно злоупотребить цитированием исследования Е. В. Антоновой, чтобы представить обоснованность ее вывода: "Многочисленные внутритекстовые параллели и совпадения, а также общий, тождественный, образно-эмоциональный колорит двух литературных памятников склоняют нас к предположению о наличии одного автора, перу которого принадлежит "Сказание" о св. Борисе и Глебе и служба им на 2 мая" (С. 98-99).

Одно существенное наблюдение сделала Е. В. Антонова и в отношении связи службы на 24 июля и "Чтения" Нестора: "Служба 24 июля и "Чтение" одинаково проявляют внимание к событиям жизни святых и их прижизненному благочестию, а также одинаково ограничены в употреблении имени "Святополк". Это имя только один раз встречается в текстах песнопений службы 24 июля и всего лишь трижды обнаружено нами в тексте "Чтения", причем в начале повествования, где упоминание имени было неизбежно. Далее на всем протяжении "Чтения" автор, говоря о Святополке, использует указательные местоимения, а также определения типа: "яко братъ ему старейший", "окань-ный". Учитывая летописную характеристику ("муж хытр книгам и ученью, ... речист же книгами святыми утешая печальныя, и сякого не бысть преже на Руси"), автором службы 24 июля следует считать митрополита Иоанна II (1077-1088 г.)" (С. 101).

Вполне логично предположение исследовательницы, что при жизни Святополка Изяславича (не следует упускать из виду, что во времена святительской деятельности митрополита Иоанна II — Е. В. Антонова ошибочно ограничивает ее 1088 г., на самом деле 14 августа 1089 г. он освящал церковь Успения Киево-Печерского монастыря — и княжения в Киеве Всеволода Ярославича (1078- 1093) Святополк Изяславич, как старший из внуков Ярослава, был первым претендентом на Киевский престол, который он и занял сразу после Всеволода Ярославича) в "официальном окружении употреблять имя "Святополк" в негативном контексте было нежелательно. По этой причине Иоанн лишь однажды упоминает имя Святополка в составе службы, Нестор в "Чтении" употребляет его трижды, в силу явной необходимости" (С. 101).

Поскольку "Сказание" и служба на перенесение мощей св. Бориса и Глеба 2 мая 1115 г. были написаны после смерти Святополка Изяславича (умершего в 1113 г.), то они свободно употребляют имя "Святополк". Более того, перенесение чуда с заключенными в темницу со времени Ярослава Мудрого ("Чтение") ко времени Святослава Изяславича ("Сказание") "позволило автору "Сказания" подчеркнуть свое неодобрение государственной деятельности этого князя" (С. 101-102), и даже осудить его не от своего лица, но устами первых русских святых Бориса и Глеба, что гораздо весомее: "По что сице твориши, а не исправляя, томиши и мучиши? Нъ оше ся се-

го не покаеши, ни останеши, сице творя, то вѣсѣО ти буди, яко съблюдаяся пребывай, еда не избудеши"²³.

В тексте "Сказания" исследовательницей выявляется и еще ряд других "косвенных характеристик" (С. 103) этого князя, которые в совокупности создают "неприглядный образ князя Свято-полка — вспылчивого раздражительного человека, готового верить клевете и жестоко наказывать за несуществующую вину", к тому же еще и завистливого: он не позволил Олегу Святославичу, несмотря на его многочисленные просьбы и "зазря труду его", перенести мощи святых в новую церковь, "зане не самъ бѣше ет създадь" (С. 103).

Вообще мне кажется, что в этом неуважительном отношении киевского князя Святополка Изяславича к культу св. Бориса и Глеба²⁴ кроется и неуважение автора "Сказания" к самому Свято-полку Изяславичу (не исключается, конечно же, и негативные качества характера князя). А это еще один признак, датирующий "Сказание" временем после 1115 г. Святополк Изяславич оказывается, по мнению Е. В. Антоновой, "той ключевой фигурой, отношение к которой определяет основные расхождения текстов "Чтения" и дошедшего до нас "Сказания"" (С. 103).

В результате своего исследования Е. В. Антонова приходит и к важному текстологическому выводу: "Поскольку мы полагаем, что житие св. Бориса и Глеба по дошедшему до нас тексту "Сказания" не могло появиться раньше 1113 г., и, следовательно, было написано, равно как и служба 2 мая, именно в связи с событиями 1115 г., "Сказание о чудесах", оканчивающееся изложением событий 1115 г., должно восприниматься как принадлежавшее первоначальному составу дошедшего до нас памятника" (С. 101). Время его возникновения относится уже к правлению в Киеве Владимира Мономаха — "князя, — как заметила исследовательница, — любимого автором "Сказания" немногим менее святых братьев" (С. 104).

Я бы добавил, что и любовь князя к святым сродникам постоянно подчеркивается "Сказанием": "Володимиръ же, иже и Мономахъ нареченый, сынъ Всеволожь... уболюбъвъ многу имбѣяше ко святыма, и много приношение творяше има". "Сице и многими словесы похвалиша благородство же, въкупъ и великоумие, и любъвъ, еже къ святыма, кротость же и смѣрание, и тыщание къ Богу и къ святымъ църквамъ, еже творяше благоверный князь Володимиръ, паче же и къ сима убо святыма" и др.²⁵ Благоверие кн. Владимира, его почитание св. Бориса и Глеба выступают явной антитезой поступков его предшественника по Киевскому княжению — Святополка Изяславича и вызывает заслуженную симпатию автора "Сказания".

"Под покровительством князя, — по мнению Е. В. Антоновой, — и ... возникло новое житие (т. е. "Сказание о Борисе и Глебе"), совмещающее похвалу Владимиру Мономаху и его святым предкам с обличением наиболее преступных нарушителей мира в Русской земле" (С. 104)²⁶.

²³ Абрамович Д. И. Жития святых Бориса и Глеба и службы им. С. 62.

²⁴ Из сыновей и внуков Ярослава Мудрого только он один, будучи великим князем Киевским, ничего не сделал для прославления св. Бориса и Глеба. Его отец Изяслав был инициатором строительства новой церкви в Вышгороде и перенесении мощей в 1072 г., его дядя Святослав уже в 1073 г. приступил к строительству нового, уже каменного храма-мавзолея. После его смерти строительство продолжил другой дядя - Всеволод. После смерти Всеволода рухнувшую церковь отстраивает сын Святослава - Олег. Другой двоюродный брат - Владимир Мономах украшает саркофаги святых еще в 1102 г., а в 1115 г. выступает вместе с Олегом инициатором нового перенесения мощей святых.

²⁵ Абрамович Д. И. Жития святых Бориса и Глеба и службы им. С. 63.

²⁶ Не занимаясь вопросом авторства специально, Е. В. Антонова, между тем, заметила: "Гипотезы на счет возможного авторства "Сказания" оказались к настоящему времени отвергнутыми, но в связи с разысканием возможного автора службы 2 мая довольно настойчиво упоминается имя Григория творца канонов, одного из монахов Киево-Печерского монастыря. Такого мнения, в частности, придерживались преосвященный Макарий и Н. Никольский" (С. 106).



Подведем итоги всему сказанному. Со всей достоверностью можно заключить, что до появления в начале XII в. жития св. Бориса и Глеба, названного "Сказанием о Борисе и Глебе", существовала самостоятельная историческая повесть, ныне условно называемая "Сказание о гибели Бориса и Глеба", содержащая рассказ о братоубийстве и заканчивающаяся описанием перенесения мощей Бориса и Глеба 20 мая в новую церковь в Вышгороде. Написана она в княжение Святослава Яросла-вича в Киеве между мартом 1073 г. и декабрем 1076 г. и выражала его интересы в насаждении Гле-боборисовского черниговского культа святых. Повесть не могла быть написана позднее, поскольку не соответствовала взглядам (прежде всего — проглебовским) ни одного последующего Киевского князя, и просвятославовы интересы так четко не отражены ни в одном другом литературном произведении последующего времени.

Для церковного почитания первых русских святых Бориса и Глеба, официально признанных и Константинополем, митрополитом Иоанном II между 1086 и 1088 г. была составлена расширенная служба им на 24 июля — день гибели Бориса, ставший главным в церковной службе днем памяти святых. А первая, простая, была написана еще митрополитом Иоанном I до 1035-36 г.

Устанавливается Борисоглебский (киевский) культ святых. В это время, т. е. между 1086 и 1088 г. монахом Печерского Киевского монастыря и было создано первое полное житие святых — "Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глѣба", в котором также проповедовался Борисоглебский культ. В его утверждении был заинтересован и княживший в то время в Киеве Всеволод Ярославич, покровителем которого выступал святой Борис. С этого времени 24 июля — день святых мучеников Бориса и Глеба — стал отмечаться как новый и первый по значимости праздник в Русской земле и отнесен к великим годовым (о чем свидетельствуют службы).

Отмечу также, что в "Чтении о Борисе и Глебе", написанном во второй половине 80-х годов XI в., нет еще мотива общерусского значения культа Бориса и Глеба, поскольку и сам культ новока-нонизированных святых еще не был широко распространен на Руси. Но он отчетливо уже выражен в похвале святым Борису и Глебу в "Сказании о чудесах", произведении более позднем — второй половины 20-х годов XII в. — автору которого было уже хорошо известно о повсеместном, даже за пределами Руси, почитании святых.

На такое распространение культа святых Бориса и Глеба — от местнотимых до общерусских — указывает и эволюция службы им на 24 июля²⁷.

Важно отметить, что в начале XII в. у Нестора не было объективных причин для создания канонического жития святых. С одной стороны, князь уже давно, как минимум 30 лет, официально канонизированы, что предполагало уже наличие их жития. С другой стороны, княживший в Киеве в 1098-1113 г. Святополк Изяславич и сам не проявлял интереса к распространению культа святых, и других не поощрял: не разрешил в 1111 г. Олегу Святославичу перенести их мощи в новую специально выстроенную церковь, т. е. устроить еще одно официальное чествование страстотерпцев. А мы можем говорить о литературной деятельности Нестора только до 1112-1113 г., окончания им "Повести временных лет". То есть Нестор, в силу сложившихся объективных обстоятельств, мог работать над первым своим агиографическим сочинением только между 1086 и 1088 годами.

С вокняжением в Киеве в 1113 г. Владимир Мономах повел собственную политику, в том числе и в церковных вопросах. Это потребовало переделки имевшихся исторических и создание новых церковных сочинений. Помогал ему в этом отчий Выдубицкий монастырь, пасомый игуменом Сильвестром. Им и была создана новая редакция "Повести временных лет", в которой выражены и симпатии к князю Владимиру Мономаху, и антипатии к Святополку Изяславичу. В частности, в лето-

²⁷ Абрамович Д. И. Жития святых Бориса и Глеба и службы им. С. XXI.

пись помещена "Повесть об ослеплении Василька Теробовльского", свидетельствующая о причастности к этому преступлению князя Святополка. С другой стороны, в летопись включено "Поучение Владимира Мономаха", проникнутое смирением и братолюбием (не мстит, а прощает Олега Святославича — убийцу своего сына).

Сильвестр работал над "Повестью временных лет" до своего поставления в 1118 г. епископом в Переяславль (отчину Владимира Мономаха —!), где он сменил умершего епископа Лазаря.

"Сказание", по сути тождественное "Повести временных лет" в оценке деятельности кн. Владимира Мономаха и его предшественника Святополка Изяславича, создавалось в то же время и, надо заметить, не в Киево-Печерском монастыре, а в Выдубицком. Достаточно сопоставить рассказ Нестора "о сухорукой жене" из "Чтения" и аналогичный рассказ из "Сказания", записанный со слов того самого Лазаря (но не самим Лазарем!), которого сменил на игуменстве, а потом и на епископской кафедре в 1118 г. Сильвестр. Совершенно очевидна близость Лазаря именно к Выдубицкому монастырю (а не Киево-Печерскому) и к его игумену Сильвестру.

Инициаторами перенесения мощей 2 мая 1115 г. выступают князья Владимир, Давид и Олег, а также митрополит Никифор. Среди же участников торжеств "Сказание" упоминает и Переяславльского епископа Лазаря, и Выдубицкого игумена Сильвестра.

Работа Сильвестра на "Повестью временных лет" носила как редакторский характер (редактура принадлежащего именно Нестору рассказа о Печерской обители), так и компилятивный (включение упомянутых выше авторских повествований — попа Василия и Владимира Мономаха). Работа анонимного автора "Сказания" содержит в себе те же черты: редактура Несторова текста о чудесах св. Бориса и Глеба (эпизод с заключением в темнице, другой вариант рассказа "о сухорукой жене"), и компилятивный (использование ранее бытовавшего "Сказания о гибели князей Бориса и Глеба").

Все перечисленное дает право полагать, что "Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба", а стало быть, и служба на 2 мая 1115 г., были написаны в Выдубицком монастыре между 1115-1117 годами по поручению княжившего в Киеве Владимира Всеволодовича Мономаха (кстати сказать, сына основателя монастыря и покровителя этой обители!) если не самим игуменом монастыря Сильвестром, то, уже несомненно, под его непосредственным руководством²⁸.

²⁸ Ср.: Воронин Н. Н. "Анонимное" Сказание о Борисе и Глебе. С. 46.

